

Александр Петрушкин

белый шум

стихотворения

Александр Александрович Петрушкин Белый шум. Стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25096492

ISBN 9785448552038

Аннотация

Книга стихотворений уральского поэта Александра Петрушкина продолжает линию метафизической и метареалистической поэзии и объединяет корпус написанного в 2016—2017 году.

Содержание

«Руины, что покрылись расстоянием, как оспой слюдяной воды и там...»	5
[Круги]	7
«Блаженны тишина и слепота...»	9
«Щель человеческая, стоящая на горе ...»	10
«Где невозможно и огромно...»	11
«Человек в осколке света...»	12
«Ворона лестницей кружилась ...»	13
«И молока последнюю награду...»	15
[Люмьер. Душа, как Иона]	16
Лицо	20
«И воздух встанет, как ребёнок...»	21
«Во мне по утрам живёт орфеева голова...»	22
«Если зерно – это ад, грунт, который покинешь...»	25
«Хор разгорится, как будто пчела свет ужалит, жаляя ...»	26
Следы	27
«Куда матросы нас несут...»	28
[Черновик игры]	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Белый шум

Стихотворения

Александр Александрович
Петрушкин

© Александр Александрович Петрушкин, 2017

ISBN 978-5-4485-5203-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Руины, что покрылись расстояньем, как оспой слюдяной воды и там...»

Руины, что покрылись расстояньем, как оспой слюдяной
воды и там,
где земли съедены невидимыми псами фотографов,
умножены – полям
вернут кита, что выбрался на сушу, чиркнув по неба
ксероксу, плавник
на позитив и негатив разложат, как логику или трамвая
свист,
который пасынок был свету и шпионом, который
в выдоха болезнь, как снег проник.

Но есть надежда Господу и камню – стоять крестом
на вычерпанной мгле,
подзорною трубою в человеке, свернувшемся, как щёлка
на золе
среди руин, в которых расстоянье болит
в несовершившемся ручьём,
клубком дагерротипов, звуком в зданье, которое
не вынуто из чрева
рыбёшек, здесь покинутых, как время, которое позорно
и ничьё.

И из воды руин, как джаза, извлекаешь синкопу плоти
и небрежен в ней,
в длине земли, которой окупаешь зияние присутствия
в огне,
фрамугу крови, сквозняки и снимки, и трещины
дешёвые, как смех,
и оспы истечение, где китами на берегах лежишь, как
снег – простой как снег.

[Круги]

Когда колодцем станешь ты
и будешь так легко
внутри себя на всё смотреть —
на то, что далеко

по-птичьи с небом говорит
или горит внутри —
покажется, что это ты
в дыханья чудо вшит,

как ампулка в густой реке
и лодка на волне
земли, свернувшейся в руке,
как миновавший гнев —

гемоглобин твоей любви,
что развернулся в кровь
и – словно голубь – в ней летит
по кругу – вновь и вновь,

и плещется его вода —
жива пока мертва,
и строит города свои
из всплеска и песка.

Возьмёшь себя в свою ладонь,
как жажду, где спит дождь,
и – будто от весла круги —
ты по себе пойдёшь.

«Блаженны тишина и слепота...»

Блаженны тишина и слепота,
в которых свет скрипит, как темнота:
косноязычно, замкнуто, в кукушке,
как будто достаёт из бега сушки
его отсутствия, которым так тверда.

А всё – молчание и даже наши песни,
в которые обёрнуто оно,
когда хоть растворись, а хоть исчезни,
как зимнее и мокрое окно
посередине языковой бездны,
в которой так светло, что мне темно.

Блаженны онемевшие сейчас —
как стрелки у часов незаведённых,
они взрываются, как слово в снегирах,
и падают на свет несотворённый.

«Щель человеческая, стоящая на горе ...»

Щель человеческая, стоящая на горе —
будто сорока или огонь в голове
или вода, притворившаяся кипятком,
или вестник, которому вход незнаком,

или шарик воздушный у девочки на руке,
который вот-вот оперится, как тоннель,
и поплывёт, шевеля то жабрами, то ангелом на плече,
на опознание речи и потому – ничей

светильник стоит на горе, как выдох, пёс, конура
и составляет список на нём жара
или – точнее – жар, шар, которым он встал поутру
будто сорока, что растрескается во рту —

словно красная глина, которая будет им —
когда он пробудится здесь, чтобы в гости идти к своим,
в щель, которая их сшивает, как свет, края
стрекот свой чёрно-белый на мясо для соловья.

«Где невозможно и огромно...»

Где невозможно и огромно
пространство Бога за спиной,
что оглянуться невозможно
на шар, что катится за мной

по масляному глинозёму,
с холодным зёрнышком во рту,
где хворост захрустит позёмкой,
оставив небо на свету —

сшиваю трубы с его гласом,
который меньше тишины
присутствия его – тоннели,
как сердца шарик, ощутив.

«Человек в осколке света...»

Человек в осколке света,
то есть вечности, стоит
посреди просторной смерти —
что-то свету говорит:

то гулит, как будто
время, окольцованное им,
покидает голубятню,
расстоянием цветным,

ну, а то – раскинув руки
очарованно молчит
наблюдая, как на смерти
дверь бессмертия горит.

«Ворона лестницей кружилась ...»

Ворона лестницей кружилась —
пока взлетала голова,
похожая на головешку —
как речь прохожая, черна.
Похожая на головешку
она в себе веретена
крутила белую отвёртку —
метелью от неё темна.
Крутилось небо и кружился —
вороны пропуском – гончар
и вынимал всю тьму из глины
затем – печаль.
Гончар крутил предмет и форму —
желтели пальцы от ворон,
гудели в дудки, как воронки,
поленья темноты. Свистком
лежал упавший и воскресший —
поскольку смерти вовсе нет —
на тень свою себя воздевший —
незавершённый пеплом свет,
что птичий свиток в форме ада,
похожего на рай и снег,
где слеплен человек из сада
ворон похожих на ковчег.

«И молока последнюю награду...»

И молока последнюю награду
пѣт зверь прозрачный,
видимый не сразу,
припавший к сосцам неба,
к винограду —
пока щенок весѣлый и незрячий
гоняет тьму в себе,
как бабочку, психею —
и ждѣт во мне, когда я онемею.
И пение собачие, как льдина,
меня сопровождает в берегах,
в которых спит язык неотвратимый,
как молоко или последний страх.
Что ж, мой щенок,
сопровождай нас в вечность,
которая иголка февраля
во времени красивой колыбели,
чтоб вычерпать из смерти, как вода
в себя теперь исчерпывает небо,
зверей прозрачных и щенков своих
и за руку ведѣт, и молоко психеи,
как бабочка, в губах у них дрожит.

[Люмьер. Душа, как Иона]

– 1-

И ты в числе безымянном
живёшь, как в люмьеровской будке,
где слова орех, в камень вросший,
размотан на стены и сутки

припавшего, будто ребёнок,
совсем безымянного света,
в чьей мгле сотворенья лежишь ты,
а речью ещё не одета.

Не прах и не прочерк – светильник
в механике глаза беспечной —
ты видишь, как слово и имя
тебя начинают с предплечий,

и свет поднимается выше
природы своей непонятной,
над угольной крошкой и глыбой,
где спят слепота и котята.

Но ты ли разлом мой, Иона,
что тело моё из деталей
как мир, соберёт и не дрогнет,

как будка в сеанса начале?

– 2-

В ките из кожи, снега и любви —
лежит прозрачный камень-лабиринт
чтоб говорить то свистом, то по Брайлю,
немую речь используя, как бинт.

Кит – это лунка, испытанье эха
от камня, что проглочен будто тьма —
так расширяется до голоса монетка,
когда достигнет своей жизни дна

так свет продет был сквозь его дыханье,
как человек чрез голоса свои,
и выдохнул вокруг себя пространство,
чтобы внутри его теперь поплыть.

Он нам отсюда камень вдруг напомнит,
и осветит круги, как лабиринт
внутри его иссиня-белой кожи,
что, как вода, намотана на винт.

– 3-

[Иона в утробе]

Изображения размытое пятно,
что созревает там, где колос пасти
становится то облаком, а то

разрывом на воде и неба счастьем.

Кто плавает над облаком? кто там
стучит – как в жабры – в чаек барабаны?
Чей ты, челнок, вспугнувший воды, как
тот человек, что стал своим экраном.

Чьё жало раскрывается тобой
и вырастает в жалости к утробе
окаменевшей рыбы, где прибор
тьме говорит: пожалуйста, не трогай

кинопроектор, зверя, пустоту
в которую размотаны, как сети,
все эти смыслы, что держал во рту,
как смерть свою, которой не заметил.

– 4-

Так вылетают голуби из рыбы,
как будто совершилась чешуя
в предназначении своём, и дивно
её обличие, в котором скоро я

перелечу немую киноплёнку
которая дождём меня троит
на зрителя и трещины на стенке,
и руку, что – бобину раскрутив —

всё это обозначит, но не скоро,

но точно – так же берег далеко
расчерчивает бездну своим светом
и рыбине становится легко.

О, небо, что свершается над нами,
о, рыба, та, что бабочка и рой
из бабочек размноженных ногами
идущего из кожи высоко.

Лицо

скопление ворон,
галдящее чтоб я
к воронке их припал,
ожечь свои края
орехом обрасти
как воздухом, ночным
холодным всплеском волн
у господ в горсти
где этот тёплый парк
похожий на меня
в бинарный код степи
он из любви собрал
где капище ворон
с моим почти лицом
растёт и смотрит вниз
туда где я рождён
шестого сентября
в своё гляжу лицо
и рядом их глотки
скрипят как колесо

«И воздух встанет, как ребёнок...»

И воздух встанет, как ребёнок,
и тело хрупко обоймёт,
светясь внутри своих потёмок,
которые за тем поймёт,
чтоб рыбу вытащить наружу,
чтоб задышалась она здесь
от счастья, что её снаружи —
как стужа – сберегает речь.

«Во мне по утрам живёт орфеева голова...»

Во мне по утрам живёт орфеева голова,
выходит со мной в новый Иерусалим —
засовы её крепки, хотя и скрипят,
глаза открыты и мир, как вдова, горит.

Ходики изнутри у неё стучат —
говор смутен, словно аккадский, или
выжженная на лбу у осла печать
времени, что с морем во мне забыли.

Медленно ключ творит в скважине оборот,
ощупывает в темноте лобную, затылочную или темень,
Аид, который каждый из нас – пока он плод,
голоса стебель, сжатый светом тяжёлым в семя.

Слышу, как тик, этот ключ, кодировку, ход —
так отверзаются ямой часы за стеною
и, как колодец из человека похож на код,
так и пустоты во мне равны со мною.

Их заполняет небо, парковый шелест, звезды
лицо удлинённое до ночи кромешной и слепца, что
предметы

делает речью своей, движением пустоты
и, словно лёд в гортани, выжигающим светом.

И расширяется орфеева голова, словно тропа
по которой всплывут со мною
эти ошмётки неба тире песка
дерева или адского перегною,

и каменеет волна, как слепой прозрев,
и выжигает, как лев, всё нутро обузы,
и ты – словно выстрел – вдале от себя летишь
там, где шумит, как раковина расширяясь, голова медузы.

* * *

Сергею Ивкину

Нищий, гулкий и тяжёлый
небом что болит в зубах,
переходит тьмы дорогу,
и целует тьму в уста

красно-белое дыханье —
в тьме ангиною горит
неизвестный авиатор —
меж двух выдохов стоит:

то качнётся перед Богом,
то наклонится к земле
испросить у ней вопросы.
В заштрихованной золе

поднимающийся ангел,
человеческий штрих-код
с речью тесной, как бомжара,
что из тела – поперёк

смотрит, как идут узлами
здесь прекрасные черты
человеческие жажды —
будто небо не легки.

Дёрни ниточку из звука
отпусти его в полёт,
в шарик неба или света,
сердца покрасневший крот.

«Если зерно – это ад, грунт, который покинешь...»

Если зерно – это ад, грунт, который покинешь
ты на ходулях из птиц, что стояли над нами,
будто округлы окрестности или неслышны,
или – воотще пока не имели названий,

клёкот земли в них и перегноя пустоты
в свете горели или точнее сгорали
и расширялись внутри каждой смерти, как ноты
в щели из выдоха, где – как гортань – продолжались.

Так вот слепая гортань назовёт и увидит,
как из столба снегопада, что в общем-то птица,
падает наше зерно и становится чашей —
той, из которой выходим, устав миру сниться.

«Хор разгорится, как будто пчела свет ужалит, жалея ...»

Хор разгорится, как будто пчела свет ужалит, жалея —
прежде была слепота или яблоч жужжащий
звук – тот, который на тьме, в белый свет индеев,
преображался в предметы, как линза нестрашный.

В нём молоко проливалось и хлеб был уловлен:
хруст – это корка спелой воды, и – за льдом скрытой –
рыбы —
что теперь скажешь, от звука отпавший обломок? —
если предметы не вечны, а звук раздробился,

словно его монолит стал замёрзшей рябины
ягодой, множеством, эхом, невнятицей чисел,
то есть падением, вектором света в Харибды
чёрной воронке, которую ты защитился

там где пчела, полосатая сота из звука,
в центр лабиринта летит сквозь промокший свет
яблонь —
тронешь её, а точнее – остаток полёта,
в хворосте хора горящий, и – в колыбель её ляжешь.

Следы

Возлюби Господа, как будто он – человек:
утром встаёт с тобою – тебя из под век
рассматривает так, как будто воскрес он, и в первый раз
ощупывает мир, как одного из нас,
будто Господь твой – это юла. А ещё точнее —
остаток её спирали, пружинка в часах, кукушонок в окне,
звук этот всегалдящий, молчание, темнота,
остающаяся после тебя, как окно, пустота,
место молитвы, стоящее на словах, циркуль из взгляда,
очеркивающего тебя, повторяющее тебя почти наизусть,
из тебя вырастающее в свой рай, как из почвы куст,
из куста – огонь, из огня – вода, из воды —
жажда второго, то есть воды следы.

«Куда матросы нас несут...»

Куда матросы нас несут
в холодном, словно смерть, лесу,
который не Харон, но «о»
оставленное от него?

То снег падёт, то ангел выйдет,
то мальчик, глядя в свет, засыт.
В просвет земли идя, как дети,
из этой белой темноты

мы смотрим, как несут матросы
в невероятной речи чушь —
и чушь, как небо, снизу светит
и освещает телу путь.

[Черновик игры]

Выходишь из ворот, а там – зима
тебя произносящая, как «ма»,
прикинется то лялькою, то люлькой,
качающейся справа от тебя —
пока геометрически смешна
её иссиня-тонкая фигурка.

Играем в шахматы, две морды, ты и я,
две лошади, что тенью в звук согнуты —
где чудится фигура из огня,
которая дымится, как искусство,
за лыжником, который от меня
оставит пар и светом ляжет густо

на чёрный воздух, трубку и трубу
из простоты, которая пока что
ещё не стала ящиком, куда
нас сложат, что – возможно – нам на счастье —
пока течёт вокруг камней вода,
похожая на лопасти и пасти

тех, что ожили в ней – пока мертва
она жила и прожигала или
не вспоминала почему сюда

её, окаменевшую, сложили,
как на щеке вдруг ожила звезда,
окаменев до крови или жилы

Всё дышит – даже если этот звук
внутри, и оттого нам не заметен,
не заметён как шахматы в свой стук,
в улитку лёгких, что теперь стозевны,
растут, как дерево сквозь зимы, как игру,
где катятся в повозке земли звери.

Они растут снежками, как следы
взрываются комками воробьиной
прозрачной крови, речи, как любви,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.